E92
219

E 92
219

РУДОЛЬФ МЕДЕК

ЗБОРОВ

Пищтелька П. 1919.

ПЕРЕВОД С ЧЕШСКАГО Т. МАШИНСКОЙ.
ИЗДАНІЕ СЛАВЯНСКАГО СОЮЗА В ОМСКѢ.
НАПЕЧАТАНО В ГОРОДѢ ИРКУТСКѢ 1919 г.
В ТИПОГРАФІИ ИНФ-ПРОСВѢТ. ОТДѢЛА
ЧЕХОСЛОВ. ВОЕННАГО МИНИСТЕРСТВА.
ОБЛОЖКУ РАБОТЫ ПОДПОР. ПИШТЕЛКИ
ИЗГОТОВИЛА ЛИТОГРАФІЯ ИНФ.-ПРОСВѢТ.
ОТДѢЛА ЧЕХОСЛОВ. ВОЕН. МИНИСТЕРСТВА.

20630 V м
6. III 1924

„Есть упоеніе в бою."
А. Пушкин.

Едва-ли кто-нибудь станет оспаривать ту мысль, что война имѣет свою поэзію. Как ни странно, но это так

Да, у войны два лика Один исполнен ужаса и бреда, „лик Медузы лик грозящій", перед холоднымъ взором котораго каменѣют души и стынет кровь в жилах Другой лик самоотверженія и смѣлости, лик творческаго горѣнія а паѳоса Война — это огненная стихія грозовое преобразованіе Исторіи нарушеніе ея медленнаго темпа насмѣшка над человѣческими планами а расчетами. И в то же время война — это надежда смѣлых неумолимое возмездіе иногда слишком поздно приходящее в мір затѣм, чтобы возстановить низложенных и повергнуть в прах старые кумиры.

В наше время едва-ли найдется, кромѣ чехословаков другой народ, который в такой степени связал бы судьбу свою с войной. Вся непреклонность національной воли, весь проявленный в борьбѣ за независимость героизм еще со времен Гуса (Гуситскія войны") и до наших дней свидѣтельствуют о привычной воинственности

братскаго нам русским народа, для котораго война была не только „суровым ремеслом", но и священной купелью гдѣ получила крещеніе его независимость.

О, это народ, слитый из одного куска, народ монолит, всегда вѣрный себѣ, всегда внутренне согласный. Народ вчера еще творившій мирную культуру, сегодня взявшійся за оружіе, чтобы добыть отнятую свободу. Пальцы вчера исторгавшіе нѣжные звуки из музыкальнаго инструмента, сегодня сжимают клинок. Пальцы, которые, сжимая винтовку, умѣют находить на ней струны невидимой лиры.

Автор предлагаемой вниманію читателя поэмы Рудольф Медек*) один из вѣрных сынов своего народа. Воин полюбившій свое ремесло во имя высшей правды — освобожденія порабощенной родины. Воин, под грохот орудій и треск ружей столь легко

---

*) Рудольф Медек, поэт и писатель чешскій, главный сотрудник литературно-художеств. журнала „Moderní Revue", сотрудник литературно-критическаго журнала „Lumír" и других журналов и газет чешских, в началѣ своей литературной дѣятельности принадлежал к школѣ символистов, но в двух книгах своих стихов приближается к возвышенному пафосу поэтов современности и будущаго, Волт Витмана и Эмила Верхарна. Издал книги стихов »Полночь

танцующій танец смерти, как будто он идет на свадьбу. Воин находящій в своей душѣ ритмическія строфы среди адской музыки боя. Воин, который не только не знает изнѣженности, свойственной душѣ поэта но непреклонностью воли и порыва увлекает за собой ряды чехословаков в окопы противника.

Р. Медек описывает ту битву 19. іюня 1917 года в которой чехословацкія войска обратили в бѣгство австро-германскія полчища прорвав три линіи окопов противника и захватив сильно укрѣпленныя высоты возлѣ деревни Зборова.

Битва у Зборова — символь братскаго сотрудничества двух народов, русскаго и чехословацкаго — во имя славянскаго единства. Побѣда у Зборова — это прелюдія к героическому выступленію чехословаков против большевиков в Сибири.

огов« и »Кольцо« и книги разсказов »Вино« и »Золотой вѣк« получившіе приз из фонда имени »Юліуса Заера« при »Чешской Академіи Наук«. Напечатал ряд критических статей в выше названных журналах о чешской и иностранной поэзіи. Во время войны в концѣ 1915 г. в чинѣ австрійскаго офицера, перебѣжал к русским поступил рядовым добровольцом в чехосл. легіон „Чешская Дружина“, принимал участіе в боях 1916 и 1917 гг. на галиційском фронтѣ, гдѣ

В стихах Р. Медека, написанных свободным размѣром без риѳм — кстати сказать, в переводѣ приближенных к подлиннику до предѣльной точности — слышно упоеніе боя, его стихійная музыка. Это объясняется тѣм, что для автора не было надобности сочинять. Он записал то, что видѣл и слышал. В его стихах чувствуется напряженность руки бойца, в них дымный запах пороха и заглушенный отзвук выстрѣлов.

Омск, 17. марта 1919 года.

Александр Булдѣев.

заслужил чин офицера и ряд русских боевых орденов; с мая 1917 г. состоял членом Отдѣленія для Россіи Чехословацкаго Національнаго Совѣта; в началѣ сего года в чинѣ подполковника Чехословацкой Арміи назначен начальником Военно-Административнаго Управленія Чехослов. Военнаго Министерства Отдѣленія в Россіи.

Поэма „Зборов" взята из книги стихов „Львинныя сердца", написанных во время современной міровой войны.

Посвящено памяти борцев и мучеников, которые в теченіи этой войны положили жизнь свою за свободу чехословацкаго народа

I.

Чехословацкія дѣти,
сыновья народа,
орошеннаго героическою кровью,
вы всѣ, которым суровая судьба разрѣшила
носить чешское и словацкое имя,
вы непогибающія и вѣчно живущія
вѣтви ожившаго дерева,
слушайте пѣсню мою!
Не забывайте!
И живите
во вѣки священным огнем
горячих, геройских сердец,
которыя бились и холодѣли
за вас и дѣтей ваших
в беэмѣрной любви и жертвѣ
под Зборовом!

II

От моря до моря германских войск ряды.
От моря до моря глубокіе подземные рвы,
окопы, гдѣ царствует смерть!
От моря до моря проволочныя загражденья,

рабскія австрійскія фуражки
и прусскія каски!
За ними вдалекѣ лежит прекрасная страна!
Страна гдѣ рѣки молоком а медом текут.
Там живет измученный, закованный в цѣпи
народ,
тоской охваченный,
сном опьяненный, давнишним тяжким сном
о свободѣ!
Там живет дѣд и мать и дѣти,
молодая прелестния жена,
отец, работающій на нѣмецких заводах,
и баба-гадалка,
которая за много лѣт нам предсказывала:
„Дѣти, мнѣ не дожить до того,
но вы — вы будете сражаться
за день свѣтлый,
который над родиною взойдет!"

От моря до моря германских войск ряды
За ними темнота, рабство и смерть!
За ними закована в когти дракона,
спит всѣх нас любовь,
спит вся наша жизнь!

Родина!
Никогда имя твое незвучало так сладко,
так сильно,
так живо,
как в этот день!

Тяжелый, мрачный гнѣв,
непримиримый,
вселился в наши сердца!

Грозная и глухая ненависть,
словно мертваго мѣсяца
в поздних лужах осенних лик отраженный,
застыла в наших глазах!
Тѣ, ходящіе когда-то покорно
за дѣдовской сохой на участкѣ родном,
признательные за жаворонка пѣсню,
супа тарелку и хлѣба ломоть,
тѣ, которые молча на душных заводах
жили суровыми днями,
когда-то блѣдные студенты, поэты, пѣвцы,
артисты — весельчаков компанія,
и тѣ, которым никогда ничего не было свято,
бурныя пражскія дѣти,
моравскіе юнаки, молодцы из-под Татры —
три тысячи
три тысячи смѣлых соколиных сердец —
всѣ они чувствовали в тот день:
Смерть не страшна!
Бой прекрасен и свя
Когда-нибудь утихн
мир, спокойствіе
будут царствоват
Но жизнь вѣчна
дана будет нар

Идут наши п
рота за ротой
знамена весел
грозно сверкаю

Как длинный и злой безжалостный дракон
в сумерки темной равниной,
войска идут
в передовыя линіи битвы!
Земля оглашается странной боевою пѣснью!
Тоскуют в ней сердца и трепещут,
сожженныя любовным огнем
героической вѣры
в день великій побѣды и славы.

За ротою рота идет:
наши улыбаются,
и смуглых лиц горят весельем взоры,
великое спокойствіе, эпическую твердость
выдает их чело.
Вѣет молодостью и свѣжестью,
упругостью и силой!
Ритмическим шагом на смерть идут.
[illegible]

[illegible]нный направляет их
души,
[illegible]т:

[illegible] дѣвушки
[illegible]й взор

[illegible] пушек рвутся,

Веселый, ликующій, феерическій голсс
молодецких сраженій,
слава и опасность,
от нас, славной старой бригады солдат,
привѣт тебѣ!

Восточный, далекій вѣтер, несись,
и там скажи нашим за Карпатами,
что в бой мы со звуками пѣсен идем,
под собственнымн знаменами
с кипящей, преданною душой!
Страшнаго нѣт ничего и невозможнаго,
нѣт сомнѣнья, боязни, нѣт ужаса.
В желѣзо руки всѣх превратились

IV.

Вижу вас всѣх братья,
жак тогда, так ясно и живо!
Подмол, Стрнад, Пльшек,
друзья, орлы, закаленные солдаты!
Накаи[illegible] сидящіе в подземной норѣ
над котелком чая,
сѣрые, грубые, с привычной солдатской
шуткой
и улыбкой вѣчной
на почернѣлых, упрямых лицах.
Так вмѣстѣ мы на развѣдки ходили,
всегда с улыбкой и шуткой!
О, вы соколы, хищная челядь,
юнаки без упрека и страха!

Я вижу вас, братья,
свѣт спокойный, полный силы горит
в ваших смѣлых, жгучих очах!

Так спѣшили вы с отдыха,
из далеких русских равнин
сюда, к своим; дни для вас долгими были,
безконечные пути!
Так спѣшили вы к своим,
покинув все.
Ибо наши в атаку идут, наши идут вперед,
наши побѣждают.

Канун атаки. Теплая ноч приближается,
тоскливо разрываются рѣдкія пули . . .
То наши братья. То наши посты!
А здѣсь шутников сидит компанія,
цѣликом старый и славный взвод,
шутки разгораются, прозвища, пѣсни,
воспоминанья о прогулках, нападеніях
ночных,
о трусливых врагах,
о смѣлых продѣлках, отвагѣ
головокружительной,
о погибших братьях!

Тишина кругом. Теплая, влажная ночь.
Полная надежд волнуется созрѣвающая нива,
замолкает в рощѣ птица И сверкают звѣзды
над непривѣтливой землей, утопающей
в крови . .
Тишина кругом. Затишье перед бурей . . .

V.

В тот день так сверкало солнце,
что прыгать бы хотѣлось,
ликовать, высоко шапку подбросить,
завертѣться, закружиться в безумной
пляскѣ . . .
Ах, с утра грохочут наши пушки,
свистят, шипят, жужжат снаряды,
как будто бы громадный рой над головой
там высоко кружится; шумит
одичалый мір,
а перед нами дым, тучи, разрывы, туман,
черная, зловѣщая стѣна,
огненные знаки, таинственныя звѣзды,
ракеты, пламенныя видѣнія
апокалиптическія,
и опять веселый шум и пляска,
пир Вальтасара,
когда таинственная рука в потемках пишет:
Мани, факел, фарес . . .

От моря до моря германских войск ряды,
за ними вдалекѣ лежит прекрасная страна . .
. .

И вдруг — как дикая волна,
как горная лавина в буранѣ весеннем,
в полетѣ безумном,
все сметая с кроваваго пути,
как ястребы на добычу давнюю, летят
три тысячи!

Это не тѣ которых вчера ты видѣл,
послушные, ласковые парни . . .

Они преобразились,
взоры горят,
всѣ в пламени воодушевленія!

Крѣпко каждый сжимает винтовку свою,
штыки обагрены людскою кровью
Огненный меч над головами их . . .
Нѣт винтовок больше:
но есть ножи
есть бомбы — — —

Над ними витает в туманѣ темном
дух героя древняго, слѣпого вождя
славнаго борца

Тяжело падает булава его
на старых врагов, на старых трусов
под Таховом
Он не покинул своих дѣтей . . .
В их жилах сегодня течет разбойничья
кровь
бунтующих и строгих отцов,
оживает в их горячей душѣ
таинственной судьбы священный зов,
безмѣрной силой наполняет сердца,
все что прекрасное, силное, вольное было
все лучшее, что дал наш род
сегодня возскресает в них и руки в молот
превращает.

Перед ними простирается ужас и смерть.
Германскія войска
окровавлениыя бѣгут
к Поморянам

Пушки гремят — пасмурная, людская земля
видѣла чудо. Бой затих.
В полѣ, гдѣ нива золотая созрѣвает,
огненные, красные маки
кроваво цвѣтут.

Бой затих, наши побѣдили.
Они поют. Спят. О возлюбленных грезят.
Вечер спускается. Горят огни,
над лагерем знамена развѣваются.
В полѣ нива золотая созрѣвает,
там лежат мертвые в ранах головы,
там лежат Подмол, Стрнад и Пльшек . . .
Улыбаются всѣ!

VI.

На Зборовских равнинах,
на холмѣ над Цецовой
могилы наших братьев
Поля широкія золотистой ржи
волнуются кругом вѣтерок,
воздух звучит героической пѣсней,
славными воспоминаніями
сживает каждая тропинка, борозда.
Пусть сегодня звучит там рѣчь чужая,
пусть прошли там тевтонскія орды,
наше это поле!
Лежит там с улыбкой на губах увядших
сто наших братьев!
В теплыя ночи на могилѣ их тризну
справляют
славянскіе боги.

Знойным лѣтом
цвѣтут там огненные, красные маки!
Оттуда зов звучит, звучит приказ
всѣм, которые медлят, всѣм, которые
погибают
в позорном рабствѣ!
Братья, раскройте сегодня свои вѣрныя
сердца!

Не забывайте!
И живите
вѣка священным огнем
горячих, геройских сердец,
которыя бились и холодѣли
за вас и дѣтей ваших
в безмѣрной любви и жертвѣ
под Зборовом!